

Не понимая ничего, читают «Фауста» в вагоне...

по поводу рецензии Григория Амелина и Валентины Мордерер на монографию: Л. Г. Панова. ««Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама», М.: Языки славянской культуры, 2003, 808 с. (КМ, 2003, № 2, с. 105-108).

Однажды,— пишет Мандельштам,— удалось сфотографировать глаз рыбы. Снимок запечатлел железнодорожный мост и некоторые детали пейзажа, но оптический закон рыбьего зрения показал все это в невероятно искаженном виде. Если бы — это я добавляю от себя,— удалось сфотографировать поэтический глаз Григория Амелина или Валентины Мордерер, как они видят своего Мандельштама, получилась бы картина не менее неожиданная, нежели зрительный мир рыбы. Дальше продолжать не буду. За меня это сделал Н. В. Перцов в убийственно убедительной рецензии на книгу Г. Амелина и В. Мордерер «Миры и столкновения Осипа Мандельштама» (Вопросы литературы, 2001, №1).

Мандельштам, как известно, поэт трудный, многозначный, и набор разнообразных трактовок его стихотворений все разрастается, вслед за появлением новых интеллектуальных парадигм, хотя и вопреки его собственному желанию,— чтобы его читали без фантазий, а так, как он написан:

Критики как произвольного истолкования поэзии не должно существовать, она должна уступить объективному научному исследованию, науке о поэзии (“Выпад”).

Совсем другой вид деятельности представляют литературоведческие и лингвистические (в идеале — научные) исследования, стремящиеся к ясности и строгости, в согласии, кстати сказать, с заветами Мандельштама:

Опыт последних лет доказал, что единственная женщина, вступившая в круг поэзии на правах новой музы, это русская наука о поэзии, вызванная к жизни Потебней и Андреем Бельм и окрепшая в формальной школе Эйхенбаума, Жирмунского и Шкловского («Литературная Москва»)¹.

Именно к этому жанру принадлежит моя книга ««Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама». Для не отличающих литературоведение от поэзии Г. Амелина и В. Мордерер подчеркну: монография написана научным языком, да-да, с неодобряемыми (с. 107) рецензентами терминами, но без цветистостей и прикрас, которыми пестрит их отзыв, сопровождается справочным и ссылочным аппаратом, каждая из трех основных глав открывается кратким обзором, а завершается резюме; наконец, на обложке помещены разъясняющие картинки (огрубляя: Мандельштам — поэт мира и пространства, с одной стороны, и противник времени — с другой). В ка-

честве не-поэзии, без воображения и «галлюциногенных доз» (за что навлекла на себя упреки, с. 105), она рассчитана на однозначное прочтение. Мандельштам бы сказал: *соизмерима с пересказом*. Какового не избалованный хорошей критикой русский читатель вправе ожидать от рецензентов: жанр обязывает. Все остальное, включая «критическую массу» (соль или перец, кому что нравится), – приправа. На Западе соблюдается не только жанр, но и культура рецензии: отзывы в американском “New York Review of Books” и подобных ему периодических изданиях славятся детальным и непредвзятым анализом книг, включающим обзор вопроса в целом. Это, конечно, программа-максимум. А программа-минимум – дать представление о книгах, чтобы потребители книжного рынка со знанием дела выбирали себе чтение и пополняли домашнюю библиотеку.

Так что же вышло из-под пера Г. Амелина и В. Мордерер? Глаз рыбы устремился сразу к звездам, в ««пользительное» математическое небо Лады Пановой» (с. 108), минуя композицию монографии (скажу за них: языковые штудии – стихотворение «Нашедший подкову» – сравнение поэтик Мандельштама и Цветаевой), ее задачи (увидеть мир Мандельштама через его язык, а заодно произвести ревизию золотого фонда мандельштамоведения и т.д.), идеи и их воплощение (Мандельштам в русской традиции – первый поэт пространства; вещи у него даются в пространственном и вневременном освещении и т.д.), реконструкции (один пример: мандельштамовское постижение времени шло тем же ходом, что и у человечества, через «круговую», историческую, линейную модели; линейное время осознается губительной силой, и потому элиминируется), культурный фон (философский, культурологический, общепоэтический, языковой), интердисциплинарность и экспериментальный характер; из всей гаммы методов был выхвачен лишь статистический². Ключевые слова книги, «пространство» и «время» (но не «мир»), встречаются в отзыве лишь единожды, при ошибочной интерпретации обложки через Владимира Соловьева (...*времени с пространством больше нет*). Но можно ли ждать чего-то другого от рецензентов, которые признаются: монография для них – лишь «бездна поводов, чтоб набедокурить» (с. 108)? Кстати, это фирменная концовка Г. Амелина и В. Мордерер, ею завершается и отзыв на «Сверкающий обруч» Г. Барабтарло (КМ, 2003, № 3, с. 143). Назначение ее понятно: как иначе оправдать полеты фантазии там, где читатель ожидает информативного пересказа?

Под знаком «набедокурить» проходят 2/3 разбираемой рецензии (прошу прощения за не полюбившиеся Г. Амелину и В. Мордерер точные методы). Фактически, это маргиналии на полях книги, истолкование избранных мест из «Нашедшего подкову», «Импрессионизма», «Армении» и стихотворений-двойчаток о ласточке, ни к миру, ни к пространству, ни к времени отношения не имеющих. (Неаккуратность анализа, из которого с благодарностью принимаю лишь подтексты из Гумилева, усугубляется опечатками в латыни). Жанр рецензии тем самым отменяется:

---

¹ Все эти цитаты есть и в монографии, но рецензенты от них отмахнулись: собственное воображение дороже.

² Так, рецензенты молчат по поводу «картины мира». Из-за нее В. Мордерер печально прославилась в лингвистических кругах невежественным и оскорбительным отзывом на монографию Е.В. Урысон

получается как бы научная статья. А на разбор монографии остается 1/3. Что ж – это не так мало. Книге Г. Барабтарло отведена 1/6: не верите - посчитайте сами (КМ, 2003, № 3, с. 138-143).

1/3 изобилует откровенными подтасовками. Начну с безобидных. При чем здесь «век полнейшей компьютеризации» (с. 105), когда в монографии указано, что подсчеты выполнялись вручную (с. 36)? Почему вызывает вопросы разъясненный на с. 40 «среднестатистический читатель» (с. 107)? Любопытно, как «водобоязнь «слова как такового»» (с. 107) коррелирует с многочисленными разборами ключевых слов Мандельштама, естественно, неупомянутыми рецензентами? В чем «легкие передергивания» при «цитировании» Омри Ронена (с. 105): неужели в единственной допущенной купюре? Где честные постраничные ссылки в квазихвалебном пассаже (с. 105): «В числе достоинств огромного фолианта – три принципиально оговариваемые автором отказа: 1) при подсчетах исключены шуточные и детские тексты [*есть такое, с. 37. – Л.П.*]; 2) никаких «интертекстуальностей» [*совсем даже напротив, «при анализе языкового материала будут учитываться лишь те подтексты, которые входят в структуру текста» и т.д., с. 40.– Л.П.*]; 3) «Долой воображение!» [*готова подписаться, но следуя научной практике, где само собой разумеющееся остается за текстом. – Л.П.*]. Наконец, хотелось бы знать, каким образом «раствор интертекстуальности» в книге оказался «слабым» (с. 105), если предложено множество новых интертекстов, причем не только к «Нашедшему подкову», как утверждают рецензенты, а и к другим стихотворениям, и не в одной главе, а в целых четырех? Подстегиваемое Г. Амелиным и В. Мордерер, мое воображение рисует уже не рыбий глаз, а глаза булгаковской секретарши, скошенные к носу от постоянного вранья. Особенно тем, как перевирается мой разбор «Нашедшего подкову».

Увы, несложный тест на профессионального литературоведа опять не пройден. А ведь достаточно было прочесть научный текст адекватно, глазами среднестатистического читателя (теперь рецензентам понятно, кто это?).

Когда Г. Амелин и В. Мордерер подают себя барышнями с фантазиями, не иначе как вышедшими из мандельштамовской «Американки»

(напомню: Американка в двадцать лет/ Должна добраться до Египта,/ Забыв "Титаника" совет,/ Что спит на дне мрачнее крипта.//<...>/ И в Лувре океана дочь/ Стоит прекрасная, как тополь;/ Чтoб мрамор сахарный толочь,/Влезает белкой на Акрополь.// Не понимая ничего,/ Читает "Фауста" в вагоне/ И сожалеет, отчего/ Людовик больше не на троне),

то это, конечно, их право. Но почему «Критическая масса» некритически пользуется их услугами, а не обращается к компетентным специалистам (в моем случае – по Мандельштаму или поэтическому языку), умеющим писать в жанре рецензии, для меня остается загадкой.